

и м'ягкь все-таки хочется прижать въсть къ сердцу!

«Я перехожу къ той, дорогой Бенескриптовъ! Ты создашъ университетъ больше, чымъ кто-нибудь другой. Дипломъ тебѣ не нужна, но твоё благонадічное исходить изъ университетскихъ лекцій. Ты маралъ бумагу даено—я это знаю. Въ тебѣ былъ талант—я это тоже знаю. Но согласись, что не будь университетскихъ лекцій, ты бы никогда не попасть по пути журналистики, а живь бы гдѣ-нибудь на чердакѣ и маралъ свои новеллы, которыхъ никто не сталъ бы читать. Твое богатство—наши незабвенные профессора.

Ты переписалъ одну главу Градовскаго, и получить деньги. Тогда ты сталъ смытье и переписалъ главу изъ Андреевскаго о паспортахъ, и снять получить деньги. Тогда ты сталъ аккуратно переписывать наши незабвенные профессоръ, и получать аккуратно гонораръ. Другъ мой! товарищъ мой! Наші незабвенные профессора были не только учеными людьми, но отзывчивыми гражданами, и въ каждой строкѣ ихъ ученыхъ трудовъ было сердце публициста и человѣка общественныхъ идеаловъ. Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты возразишь, что иногда неудобно было ихъ переписывать, ибо времени требовало вовсе не того, что они писали. Но они были не только систематиками, но и полемистами, и въ ихъ лекціяхъ заключались семантические противоположности. И ты по этимъ ссылкамъ снова переписывай и обличай уже своихъ незабвенныхъ профессоръ. Выньемъ же за тѣхъ, кого ты переписывалъ и за тѣхъ, кого ты опровергалъ, по ихъ собственнымъ указаниямъ...

Адвокатъ хотѣть было предложить, очевидно, имъ въ виду меня, но Бенескриптовъ замоталъ головою и сталъ всхлипывать:

— Шерстю обросли! Вѣдь я мечталъ! Манфреда написать хотѣть! Вернишь идеала руками касался! Гдѣ оно? Гдѣ все? Душа гдѣ, гдѣ душа?

— Дуракъ, дуракъ, покачаль головою адвокатъ,—вѣдь ты—мыслишь реалистъ! На, выпей содовой воды!..

Семидесятнаго года старушка грозно изогнулась на меня своимъ фасадомъ. И поняла, что это сонъ, не больше. Однако.. подбѣдили я на товарищеский обѣдъ 8-го февраля?

Ночью посып.

и воспоминанию учрежденія. Если не мы будемъ привѣтствовать старушку, то кто же вспомнитъ ея юности и глубокія морщины на опечаленномъ челе?

Я такъ упорно и долго думалъ объ этомъ и такъ настойчиво представлялъ себѣ товарищескій обѣдъ, что не звяю, какимъ образомъ онъ вдругъ явился предо мною какъ будто на яву, и я все увидѣлъ, что должно было произойти, и все услышалъ, что должно было быть сказано. Насъ было пятеро, въ концѣ обширнаго обѣднаго стола: адвокатъ, журналистъ, чиновникъ изъ департамента окладныхъ воздыханій, чиновникъ изъ департамента неокладной дѣятельности и я. Остальные были предо мной въ туманѣ. Ихъ-которое время мы неловко молчали и еще болѣе неловко разговаривали. Когда-то мы вмѣстѣ дрожали на экзаменахъ, занимали другъ у друга двугривенные, обмѣнивались лекціями и обѣдали въ студенческой кухнистской на Васильевскомъ островѣ, кажется, въ 17-й линіи, гдѣ за 8 копѣкъ мы имѣли супъ съ лимонами, очень кислый и водянинистый, который мы кушали съ большимъ аппетитомъ, ибо это былъ нашъ волшебный супъ, wo die Сигоне bluh'n. Послѣ обѣда мы, иногда тоже вмѣстѣ, дѣлали пѣшкомъ верстъ 6 или 7 на уголъ Греческаго проспекта и Четвертой улицы Несковъ, что находили не только приятны, но и гигиеническими, какъ между прочимъ, значится у Льюиса въ его «Физиологии». Всю дорогу мы разговаривали, и никогда не страдали отъ недостатка темъ, хотя видѣли только наружную сторону большаго города, да университетскія аудиторіи, да низенькие потолки меблированныхъ комнатъ. Теперь-же мы сидѣли въ просторной залѣ, кушали маюнезы, пили ликеры, и жизнь знала вдоль и поперекъ, а разговаривать было не о чёмъ. Одинъ жилъ на Разъѣзжей и утверждалъ, что на Разъѣзжей превосходныя квартиры, другой жилъ на Екатерининскомъ каналѣ и находилъ, что на Екатерининскомъ каналѣ тоже превосходныя квартиры, и неизвѣстно, почему противъ нихъ существуетъ предубѣженіе. Троє, какъ оказалось, страдаютъ болѣзнями въ пояснице. Одинъ усиленно пытъ поэтому рябиновую, другой завелъ велосинедъ, а третій конторку. Товарищъ изъ департамента неокладной дѣятельности, обращался, главнымъ образомъ, къ журналисту, поднявъ вопросъ о петербургскихъ извозчикахъ и мостовыхъ.

— Повѣрь мнѣ, говорилъ онъ, держа руку на плечѣ журналиста—повѣрь, что это именно разадники болѣй въ пояснице. Постоянная тряска, трахъ, трахъ, трахъ!—нарушаетъ кровообращеніе и содѣствуетъ прито-затѣ, торжественный юбилей близкаго сердцу

положномъ концѣ стола: vivat, crescat, floreat! Ура! крикнулъ товарищъ и затѣмъ продолжалъ)... да, содѣствуетъ притоку! И вотъ это образуется. Я тебѣ говорю, это отличная тема для статьи: сбереженіе здоровья петербургскихъ чиновниковъ отъ улучшенія мостовыхъ. Отчего тебѣ не заняться?

— ...По всегда наша alma mater будеть разсадникомъ идеаловъ и всегда будеть вносить въ жизнь свѣтъ, добро и справедливость!

— Именно: добро и справедливость! подхватывали товарищи.

Мы всѣ молчали и какъ будто чего-то конфузимся. Обѣдъ кончается. Двигаются стульями и наступаетъ моментъ, когда, не выраженію репортеровъ, «обѣдающіе распадаются на кружки, и дружеская бесѣда продолжается за полночь».

• • •

Мы сидѣли за особымъ столомъ и много, очень много пили. Прежней, наружной неловкости уже не было, но было пѣчто худшее—какая-то внутренняя неловкость, словно мы всѣ сознавали, что сдѣлали что-то скверное, и сдѣянное нами тяготитъ насъ. Что-же мы такое сдѣлали и чѣмъ мы провинились? Журналистъ, который захихѣльѣ больше всѣхъ, вдругъ хлонулъ стаканомъ по столу и мрачно воскликнулъ:

— Синий мы! Опаршивѣли!

Никто изъ насъ не только не обидѣлся, но наоборотъ, всѣ почувствовали облегченіе. Именно этого слова какъ будто всѣ ожидали, и такъ какъ оно не произносилось, то чувствовалось что-то не доказанное, которое стѣсняло всѣхъ. Мы не знали, какъ держаться и кого изъ себя изображать. А между тѣмъ мы по прежнему равны другъ другу, равны пошлой обыденщинѣ жизни, какъ пѣкогда были равны позицію мечты и насть возвышающаго обмана. Но надо сказать это, и тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Что же мы чувствуемъ здѣсь? За что посмѣй славу?

Адвокатъ чувствуетъ уже приливъ вдохновенія и становится въ живопасную позу:

— Друзья товарищи! Будемъ откровенны! Въ этотъ великий день будемъ откровенны! Наша alma mater вступаетъ въ 76-ю годовщину своего существованія. Да процвѣтаетъ она на долгіе годы. Она намъ многое дала, и за это ей будемъ благодарны. Не думайте, что я стану говорить въ туманныхъ выраженіяхъ о млечномъ пути идеала, сказавшемъ на темпѣмъ свѣдѣ нашей жизни, о посторонѣ и трепетѣ честнаго граждансаго чувства, воспитаннаго ею. Мы реалисты, а глядно, не лицензіи. Сочетъ же мирно и

спокойною благодѣяніемъ. Тебѣ, другъ мой Миша, и тебѣ, о другъ мой Кола, университетъ дадъ чинъ коллежскаго секретаря. Прешло исправное лѣтъ, и вы оба, дорогие товарищи, уже въ чинѣ надворнаго советника. Вы получаєте квартирный и не въ зачетъ третіе жалованье при командировкѣ. Командиронки же намъ назначаются весьма часто, и когда начальство дѣлаетъ выборъ, то всегда оставляется на вѣсть, какъ на университетскихъ. Университетъ наложилъ на насъ особыю печать и снабдилъ дорогой бумагою, открывшую вамъ доступъ къ хорошимъ должностямъ. Вы сыты, одѣты, обуты, женаты на милыхъ женщинахъ, которая пошли за вѣсть, потому что вы были на хорошей дорогѣ, а на хорошей дорогѣ вы были, потому что у васъ былъ дипломъ нашей дорогой, незабвеннѣй almae matris. Выньемъ же за университетъ и за некоинаго ректора нашего, Ивана Ефимовича Андреевскаго. Онъ перенесся на дипломъ своимъ круглымъ почеркомъ.

«Я перехожу, дорогие товарищи, къ себѣ. Университетъ дадъ мнѣ право юридической практики. Не скрою, иногда было тажело описывать имущество бѣдной вдовы или выселить за невыносимые платы цѣлую семью съ кучей ребятишекъ. Но университетъ благословилъ меня на юридическую практику, и я твердо шелъ къ указанной цѣли. Признаюсь, университетская наука часто ставила меня въ неловкое положеніе. Въ сущности, то, чему меня учили тамъ, очень мало шло къ дѣлу. Практика помощника присяжнаго поѣррнаго имѣть весьма мало общаго съ учениемъ Беккера, философію Гуго Гроція и числомъ членовъ испанскихъ кортесовъ, за познаніе котораго я получилъ двойку у незабвеннаго Александра Дмитріевича Градовскаго. Онъ умеръ, и я не хочу вспоминать его дурныя слова. Но можетъ быть, во всемъ этомъ была и хорошая сторона. Недостатокъ практическихъ и положительныхъ свѣдѣній побудилъ меня къ самодѣятельности, и одновременно съ мелкой практикою по описанію имущество, я тщательно изучалъ Х томъ и наиболѣе клавунныя дѣла. Я теперь могу бы смѣло взять на себя дѣло Подвижниковъ, еслибы почтенный коллега В. И. Герардъ не занялся имъ, имъ—говорю откровенно—примуществомъ предо мною. О, дорогія тѣни Градовскаго, Яисона, Андреевскаго, Дорна, и ты, о великій балагуръ и умнѣйший зонкрурецъ политической экономіи, Вредень, всѣхъ вспоминаю я въ часы отдыха отъ трудовъ, наслаждаясь покоямъ подъ сѣнию домашней смоковницы! Я знаю, что не будь вѣсть, были бы другие, и дипломъ все равно былъ бы мною полученъ, но это были вы,